

ШЕКСПИРОВСКИЙ РАЗМАХ

Интервью Александра Солженицына РТР

Независимая газ. 2001. 16 июня. с. 12

Нина Миронова,
Михаил Жирмунский

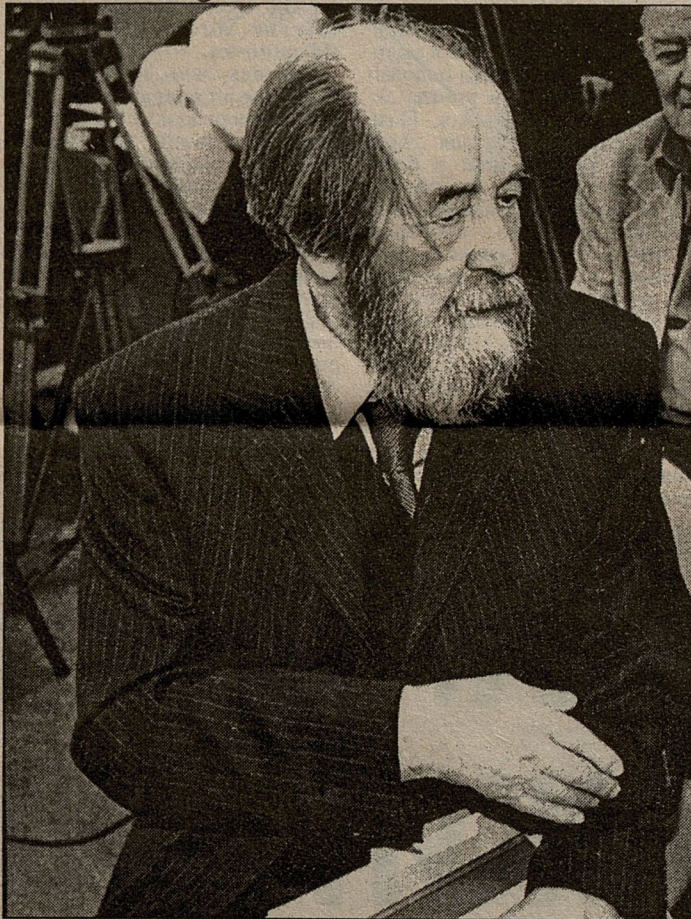
ТЕАТРАЛЬНЫЕ режиссеры, чуткие к пульсу нашего времени, сумели показать нам истинный смысл драм Шекспира. Король Лир из лучших побуждений делит страну — и льется кровь. Гамлет упорно ищет правду — и свершается массовая резня. Последнее время и мы убеждаемся, что нужно нести ответственность даже за добрые поступки, ибо слишком много слез на дорогах к благим целям. Согласно же Достоевскому, никакая благая цель не стоит слезинки... и старика, умирающего без лекарств и еды.

Виновны ли шекспировские герои? Мы узнали сегодня, что любое радикальное действие чревато большим количеством аморальных поступков. А статус выдающегося писателя Александра Солженицына в наши дни таков, что вес его слова необычайно велик. Сознает это и он сам, не разбрасываясь словами, дозируя каждое свое высказывание. Общество тоже не против закрепить за ним роль «учителя». Потому велика и его ответственность за каждое слово. Подробно и внимательно к его недавнему интервью, данному Евгению Ревенко и приуроченному к 7-летию возвращения на Родину.

Долгое время Александр Исаевич твердил нам правду о сталинизме, от которого сам так пострадал. Звал «раздраконить» Советский Союз, который так обоснованно ненавидел (заметьте, что факт строительства на костях Петербурга почему-то не внушал потомкам мысль уничтожить город). Сегодня мы видим, что писатель, перешедший свое 80-летие, все еще не определился: скорбит он об утрате СССР (иначе зачем же жалеть людей, констатируя, как много хорошего они потеряли?) и, значит, кается (поскольку зовет к покаянию даже «младореформаторов») — или же по-прежнему игнорирует уже разрушенный Советский Союз, на что указывает его ориентация лишь на западные, а в основном досоветские идеалы «бюстройства России» (любимый П.А. Столыпин и земства).

Дальше это противоречие развивается в понимание Солженицыным демократии. Она у нас, по его мнению, так и не сложилась: остатки коммунизма мешают, новая элита олигархически замкнула сферу управления, не допуская в нее «простого человека». Примером прислушивающейся власти для писателя выступает Николай II, «нашедший» Столыпина. Однако сословная раскрытость власти в монархической России была отчасти лишь при Иване Грозном с его частой «ротацией» боярских родов, выносившей наверх самых захудалых, затем при Петре Первом с его Меншиковым и другими сподвижниками. Да еще русские царицы жаловали безродных фаворитов государственными постами. Целиком же путь снизу доверху преодолевали у нас, кажется, только при Советской власти, начиная с первых революционеров.

Не ее ли (не называя «по имени») призывает Солженицын, когда главной проблемой сегодняшней России называет существование «двух народов в одном государстве»? Он говорит о глобальной разнице между жителями крупнейших городов и провинции во взглядах на основные проблемы, ссылаясь на некий социологический опрос. С расхождением взглядов Солженицын, интересующийся провинциальной жизнью, опоздал ровно на пять лет. Это в 1996

Александр Солженицын — общественед и человекед.
Фото Дениса Тамаровского (НГ-фото)

году на президентских выборах преуспевавшая Москва проголосовала не так, как вся страна, а теперь москвичи безуспешно убеждают провинциала, что он не миллионер. На Колыме серьезно пугают тем, что якуты в тайге отстреливают русских, а москвичи и подавно в живых не оставят. «Не так было в СССР! — будто бы хочет сказать, но не говорит писатель. — Тогда не только в Москве были тепло, свет и вода, а работающая семья не ожидала пенсии единственного старика».

Другой аспект демократии по Солженицыну — партийный. Рассуждая о неудаче демократического строительства, писатель напрочь отвергает многопартийную систему под тем предлогом, что партии-де лишь стремятся к власти и потому бесполезны, и при этом не говорит, что оппозиционная партия (коммунисты), собирающая большой процент голосов, так пока и не получила возможности управлять страной в новое время. У нас нет системы «обратной связи», когда народ на выборах «нанимает» себе правительство и на следующих выборах выставляет ему оценку. И это значит лишь то, что никто не несет никакой ответственности: оппозиция все равно не имеет допуска к власти и потому бесовственно разлагается в безделье, правительство же никому не подотчетно и ничем не рискует. При этом наши люди имеют устойчивый иммунитет к демократии, выработанный в них популизмом Ельцина. Не стал ли Александр Исаевич жертвой этой политики, обманувшей немало надежд?

Утверждение о целесообразности «объединений по производственным, профессиональным, локальным или культурным интересам» ничего нового не содержит, отсылая к закону об общественных организациях. Они могут быть полезны на региональном уровне и абсолютно бес-

смысленны на федеральном. Общественная организация у власти без политического (партийного) признака нецелесообразна: два инженера могут по-разному понимать один и тот же вопрос. И кого должны защищать такие объединения — собственников предприятия или его наемного работника? К тому же объединение по профессиональному признаку, занимающееся политикой, — основа лоббизма.

Даже недоумение Солженицына по поводу «пространственной» ориентации наших партий подразумевает двойное толкование. Он считает, что партийный спектр перепутался: радикал-либералы (демократы) на самом деле левые, а консерваторы (коммунисты) правые, а не наоборот, как сейчас. Значит, в нынешней КПРФ Солженицын не признает защиту интересов трудящихся в духе ленинской социал-демократии и видит в ней только партию бывшей элиты и функционеров. Соответственно не признает в демократах борцов за интересы крупного капитала («правых»), а, видимо, до сих пор считает их борцами за народное благо («левыми»).

Прямо по-советски трактует Солженицын свободу слова, то есть буквально — как возможность написать все, что хочешь. Она есть, он считает, в столице, но подавляется в регионах. Все же представляется, что свобода слова — это ситуация, когда власть реагирует на написанное. С точки зрения морали зависимость от власти и зависимость от частного капитала — одно и то же. Демократия и свобода слова напрямую связаны, как связаны демократия и нищета населения: нищий человек по условию не свободен. Этих сторон проблемы писатель не затрагивает.

Фатально двойственным мнение Солженицына по второму главному вопросу, затронутому в интервью РТР, — по вопросу о собственности

на землю. Он считает, что приватизация земли не должна стать способом вложения награбленных денег, земля должна быть доступна для того, кто желает ее обрабатывать, а потому продавать землю рано. То есть нужно хоть в вопросе о земле оставить все по-старому (по-советски). «Частная собственность на землю необходима», — зачем-то продолжает далее писатель, имея в виду туманную и для него самого временную перспективу. Об условии этого процесса он говорит: «Государство должно по-настоящему открыть путь для истинно желающих заниматься земледелием и выигрывает не в том, сколько денег получит за землю, а в ее плодородности». Финансирование покупки земли «за низкий процент с долгой рассрочкой» предписывается специальным земельным банкам на местах.

По-видимому, за сколь низкий процент не отдаст землю бедняку, он все равно будет вынужден ее перепродать богатому и работать на этой земле наемным рабочим (батраком). Благополучие населения является основным условием этого процесса (в бедном государстве не бывает «низкого процента с долгой рассрочкой»), а добиваться его придется без введения частной собственности на землю. Солженицын боится сказать, что Россия — страна, не подходящая для либеральных реформ. Страна северная, большая, где дотирование регионов неизбежно, а при распродаже земли будут раскупать Москву и Московскую область. Но эта мысль, видимо, не чужда писателю: он все же протестует против разграбления страны через приватизацию естественных монополий (при этом, высказываясь о роли Ельцина и даже Чубайса, он ни слова не говорит о новой власти). Однако за паузой у Солженицына его всегдашний камень — капиталистическая столыпинская реформа...

Социально-этический анализ становления России, в котором Солженицын может быть признан выдающимся профессионалом, — дело сложное и опасное. Немудро искать идеал так далеко в истории — много воды с тех пор утекло. Миф о зарождающемся рае в предреволюционную эпоху далеко не беспоспорен. Столыпин проводил реформы методом принуждения в несвободном обществе, они не были доведены до конца, зато заметно нарушили равновесие в стране. Волонтеристские эксперименты Сталина имели свои впечатляющие результаты, и Солженицын выбирает Столыпина, возможно, лишь потому, что сам не жил в ту эпоху. Суть же в том, что любой совет по земельному вопросу требует абсолютной ответственности: в неструктурированном, «мутном» обществе слишком легко нарушается равновесие, а цена ошибки слишком велика. Понимает ли это писатель, чьи добрые советы проникнуты исторически предопределенной двусмысленностью и неадекватностью шекспировских героев?

Интервьюер Евгений Ревенко демонстративно полное понимание масштаба человека, сидящего перед ним. Информированный журналист и комментатор в этой беседе совершенно воздержался от комментариев, предоставив Солженицыну возможность свободного высказывания и рассуждения. А видеоэпизоды о поездке Солженицына по стране во время его возвращения в Москву с Востока, о повседневной работе писателя, подобравшие автором программы, акцентировали его персону и как социолога, и как художника-человековеда.